

RU

Субъектно-объектный подход к интердискурсу в координатах литературной практики парресии (роман Ч. Диккенса «Холодный дом»)

Рябова И. Ю.

Аннотация. Цель данного исследования – проследить динамику взаимодействия языковой личности автора и текста в художественном произведении юридической тематики, где текст романа – результат литературной практики парресии в интердискурсе как уникальном по своей природе лингвосоциокультурном пространстве. Специфика взаимодействия языковой личности автора и текста рассмотрена в настоящей статье в рамках субъектно-объектного подхода к интердискурсу, что позволяет углубить понимание о тесной связи личностных характеристик писателя, дискурсивных, когнитивных и прагматических оснований его творчества и используемого им языкового инструментария. В работе выдвигается идея о том, что становление языковой личности автора текста обусловлено «двойственностью» его профессиональных компетенций (литературоведа и юриста). Научная новизна исследования состоит в описании корреляционных связей между языковой личностью писателя-парресиаста, его «участным» мышлением, типами социально-языкового сознания и спектром языковых средств художественной выразительности, в частности цитатным словом. В результате исследования установлено, что языковая личность писателя-парресиаста, обусловленная областью права, – сложноорганизованный психосоциальный феномен, способный виртуозно осуществлять прагматически заряженную коммуникативную программу, превращая интердискурс в поле социальной борьбы.

EN

Subject-object approach to interdiscourse in the coordinates of the literary practice of parrhesia (Charles Dickens’s novel “Bleak House”)

I. Y. Ryabova

Abstract. The research aims to trace the dynamics of the interaction between the author’s linguistic personality and the text in a literary work with legal topics, where the text of the novel is a result of the literary practice of parrhesia in interdiscourse as a uniquely constituted linguo-socio-cultural space. The paper examines the specifics of the interaction between the author’s linguistic personality and the text within the framework of the subject-object approach to interdiscourse, which allows for a deeper understanding of the close connection between the personal characteristics of the writer, the discursive, cognitive, and pragmatic foundations of his work, and the linguistic means used. The paper proposes the idea that the formation of the author’s linguistic personality is conditioned by the “duality” of his professional competences (as a literary scholar and a man of law). The scientific originality of the research lies in describing the correlational connections between the linguistic personality of the parrhesiastic writer, his “participatory” thinking, types of socio-linguistic consciousness, and the spectrum of expressive linguistic means, in particular the quoted word. As a result of the research, it was found that the linguistic personality of the parrhesiastic writer, conditioned by the field of law, is a complexly organized psycho-social phenomenon capable of masterfully implementing a pragmatically charged communicative program, turning interdiscourse into a field of social struggle.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена рядом причин.

Во-первых, показывая читателю в «ретушированной» форме окружающий мир, общество и человека, воссозданные в индивидуально авторской художественно-образной обработке посредством слов и символов, художественная литература во всем многообразии жанров способна повествовать о «зlobe дня» (настоящего

и минувшего), революционизируя сознание широких масс населения в важный исторический момент или сквозь века воспитывая поколения. В свете данного факта особую значимость в исследовании приобретает художественное произведение с доминантной юридической сюжетной линией, которое функционирует на границе двух «профессиональных жаргонов» (по М. М. Бахтину), двух дискурсов, двух концептуальных областей, воплощая уникальное гетерогенное пространство – интердискурс. Заметим, что под интердискурсом (далее – ИД) понимается «единое лингвосоциокультурное пространство, созданное на стыке разнородных (здесь – художественной литературы и права) дискурсов и обусловленное историческим контекстом» (Дзюба, Рябова, 2023, с. 351).

Во-вторых, в современной лингвистической науке особый научный интерес представляет связь когнитивных механизмов и структур, в том числе конкретного индивида, с используемым им спектром языковых средств. В работе углубляется понимание прагматических установок писателя, работающего на стыке концептуальных областей. Его главная задача – осуществление своеобразной литературной практики обличения реальности, которая сводится к интенции высказать истину, т. е. осуществить паррессию (в терминах франкоязычной школы дискурс-анализа), где «парресья» – «свободная речь, откровенность, правдивость, прямота» (Фуко, 2008, с. 159). В более ранней работе отмечено, что «литературная практика паррессии... отражает специфику языковой личности “человека говорящего”, в частности ее лингвокогнитивную и психосоциальную составляющие» (Рябова, 2024, с. 400). Так, литературная практика паррессии (далее – ЛПП) – индивидуально-авторская техника транслирования истины в смысловом пространстве художественного произведения о малознакомой для читателя концептуальной области. Сформировавшись и успешно развиваясь в области публичных отношений, ЛПП становится уникальной техникой «духовного наставления» (для отдельного индивида), образцом «критической проповеди», примером «скандального поведения» автора-парресиаста или формой «провокационного диалога» (Фуко, 2008, с. 227). Результат ЛПП – текст (собственно как предмет исследования в теории франкоязычной школы анализа дискурса), «произведенный в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания», а также «наделенный исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» (Квадратура смысла..., 1999, с. 27). Таким образом, текст литературного произведения – не только значимый репрезентант конкретного индивида (или коллектива), но и социального института в целом.

В-третьих, посредством интеграции текстологического и персонологического подходов к изучению ИД в рамках единого субъектно-объектного подхода раскрываются корреляционные связи не только между спецификой языковой личности и особенностями текстового материала, но и четко репрезентируется взаимосвязь данных составляющих ИД (личности автора и текста) с вертикальным социальным контекстом.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- систематизировать знание о тексте романа как лингвокогнитивном феномене, способном отражать историческую действительность;
- описать специфику профессионально-детерминированной области права языковой личности писателя-парресиаста;
- выявить корреляционные связи между личностью «человека говорящего», различными типами социально-языкового сознания и текстовым материалом романа, в частности, «форматами» текста (текста-архива, текста-ризомы и др.);
- рассмотреть реализацию профессионально-детерминированной языковой личности писателя в цитатном слове романа как инструменте для осуществления ЛПП.

Материалом для исследования послужил роман Ч. Диккенса «Холодный дом», описывающий события несправедливости в судебно-правовой сфере, в частности в Канцлерском суде Англии в конце XVIII – начале XIX в.:

- Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 17. Холодный дом. Главы I-XXX.
- Dickens C. Bleak House I. Moscow: T8 RUGRAM, 2018.

Роман обладает новаторским «зарядом», т. к. создан человеком, одновременно принадлежащим двум профессиональным сферам – художественной литературе и институту права. Так, писатель-правовед, имеющий опыт работы юристом и нужные связи в правовой сфере, способен констатировать факты объективно и правдиво (Matthews, 2015). Кроме того, если следовать за мыслью И. В. Зыковой, изучающей смежную лингвистическую область – процесс интеграции поэтического текста в кинодискурс – и замечаящей, что «язык поэзии и язык кино взаимно проблематизируются... ради того, чтобы возникло новое дискурсивное высказывание...» (2024, с. 126), заметим, что язык художественной литературы и язык права в романе аналогичным образом претерпевают изменения, создавая потенциал для эмерджентности новых (иногда неожиданных) концептуальных смыслов. Иными словами, автором создается текст парресиастической природы, который сквозь призму сложноорганизованной коммуникативной программы раскрывает специфику языковой личности его создателя, что и обуславливает исследование данного романа с позиции субъектно-объектного подхода.

Теоретическую базу исследования на локальном уровне составляют работы франкоязычной школы анализа дискурса (Кристева, 2004; Фуко, 2004; 2008; Foucault, 1980) (отдельные статьи М. Пеше и П. Серио представлены в коллективной монографии «Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса» (1999)), исследования в области персонологического подхода (Богин, 1982; Дементьев, 2006; Карасик, 2007; Катермина, 2016; Ружицкий, Потемкина, 2018), разработки в области интертекстуальности (Минц, 1999; Преображенский, 2017). Первоосновой для изучения процесса гибридизации в романе послужили творения М. М. Бахтина (2012). На глобальном уровне исследование проводится в русле когнитивной лингвистики, в рамках двух подходов – когнитивно-дискурсивного (Кибрик, 2003) и семантико-когнитивного (Попова, Стернин, 2007).

Для достижения поставленных задач применяются общенаучные методы (гипотетико-дедуктивный, таксономический, метод анализа и синтеза), а также лингвистические и лингвокогнитивные методы (метод анализа блендов, концептуальный и контекстуальный анализ, метод когнитивного моделирования). Гипотетико-дедуктивный метод позволяет выдвинуть гипотезу о тексте, функционирующем в ИД, как максимально интенциональном семиотическом знаке, маркированном особым языковым инструментарием и репрезентирующим становление языковой личности автора как личности «нового» формата в ходе осуществления ЛПП. Таксономический метод дает возможность выделить типы социально-языкового сознания автора и с опорой на разработки лингвистов франкоязычной школы анализа дискурса предложить условную типологию текста, функционирующего в ИД. Метод анализа блендов (концептуально интегрированных пространств) позволяет рассмотреть интегрированное ментальное пространство ИД как эмерджентную структуру, во многом обусловленную интенциями автора-парресиаста. Концептуальный анализ позволяет выявить новые смыслы, коннотации и прагматические установки, возникающие в концептуальном пространстве ИД. Контекстуальный анализ призван описать взаимодействие языковых средств в аспекте кооперации двух дискурсов в тексте романа и в тесной взаимосвязи с языковой личностью «человека говорящего». Метод когнитивного моделирования используется для реконструкции корреляционных связей между различными типами социально-языкового сознания, текстовым своеобразием романа и языковой личностью автора.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов для создания специализированных университетских курсов по когнитивной лингвистике.

Обсуждение и результаты

Текст как объект исследования во взаимосвязи с личностью «человека говорящего»: текстологический подход

Литературное произведение, создание которого подчинено потребностям индивидуальной личности как представителя социального института (права) транслировать узкоспециальное знание в широкие общественные массы, обладает мощным аксиологическим «зарядом», содержит интеллектуальную компоненту и приобретает особую значимость в пространственно-временных координатах. Писатель, обличающий в художественном тексте несовершенство социально-политического и/или правового устройства общества, позиционирует право выступить «человеком говорящим» как безусловную нравственную ценность (Бахтин, 2012, с. 104-105).

Цель текста, созданного в ходе ЛПП, – посредством высказывания истины запечатлеть историю, «реорганизовав материальную спонтанную остаточность, и превратить ее в памятник культуры», т. к. в основе такого высказывания, по замечаниям М. Фуко, находится «вопрос о документе» (2004, с. 41). Исследователь подчеркивает, что задача документа, в том числе включенного в художественное произведение в виде цитат, отсылок, реминисценций и т. п. – «восстановить прошлое, из которого они возникли и которое теперь осталось далеко позади» (Фуко, 2004, с. 43). Сохраняя в себе уникальную «спонтанную или организованную форму остаточности» (терминология М. Фуко), текст литературного произведения, повествующий о несправедливостях в иной сфере – судебно-правовой, – становится своеобразным архивом, содержащим «коллекцию» фактических данных о скрытом настоящем или далеком прошлом. Архив, по мнению М. Фуко, – «система высказываний (события, с одной стороны, и вещи – с другой)» (2004, с. 247). Так, на текстологическом уровне текст-архив наполняет коллективную память высказываниями из области юриспруденции, а на когнитивном – «процеживает» воспоминания об исторических событиях в правовой сфере.

В тексте-архиве, ориентированном не только на сохранение культурного исторического наследия, но и на его создание, «человек говорящий» выполняет функцию «субъекта, хранящего наследие», т. к. цель такого текста – максимально точно запечатлеть культурно-исторический опыт в переломный момент эпохи и способствовать искоренению существующих пороков. Иными словами, опыт настоящего позволяет эффективно конструировать будущее, а знание прошлого является неизменным элементом культурного самосознания. «Субъект, хранящий наследие», проявляет определенный тип социально-языкового сознания – цитатное сознание, которое в данной работе позиционируется как частный вид правосознания, позволяющее писателю-правоведу вводить в текст явные (закавыченные) фрагменты документов, правовых актов или создавать скрытую цитацию в виде отсылок к собственному профессиональному опыту. Н. Н. Болдырев замечает, что «структура сознания соответствует структуре мира, личности человека и видам его деятельности» (2018, с. 97).

Наряду с функционированием художественного произведения с доминантной юридической сюжетной линией как текста-архива, текст произведения гибридной природы может быть рассмотрен как текст-ризома. Согласно исследованиям Ж. Делеза и Ф. Гваттари, ризома – объект древоподобной формы – «то одно, которое становится двумя» (1976, с. 3). Также ризома – своего рода “cut-up” метод, подразумевающий отмирание/трансформацию/упразднение некоторого «корня» и появление новых «черенков» (здесь – концептуальных смыслов) – так рождается цельное произведение. По отношению к художественному произведению, созданному на стыке двух дискурсов – права и художественной литературы, ризома, как замечают исследователи, представляет собой «вкладывание или вгибание одного текста в другой... именно в таком дополнительном измерении вкладывания или вгибания единство продолжает свою духовную работу» (Делез, Гваттари, 1976, с. 5). В целом текст-ризома обладает уникальными принципами соединения и неоднородности.

Произвольное (на первый взгляд) переключение между сюжетными линиями в тексте-ризоме создает неустойчивую, флуктуационную природу романа, которая, так или иначе, подчинена прагматически выверенной коммуникативной программе автора текста и материализует карнавализованное авторское сознание – частный вид лингвокреативного. Прием карнализации пространства связан с феноменами лабиринта, коллажа и является отражением принципиально плюрального видения мира, «детерминируемым проявлениями хаотического начала» (Загигалова, 2011, с. 36). В работе карнавализованное сознание коррелирует с процессом трансфера нового знания из закрытой области права в широкие литературные и далее общественные круги и созданием нетривиальных «переключений» между двумя дискурсами, инициирующих мультипликативные эффекты в смысловом пространстве текста. Подобного рода карнализация текстового пространства задает тон «фамильярного общения» в романе (по М. М. Бахтину), пронизанном тонкой иронией, нивелируя тем самым дополнительные когнитивные усилия реципиента в процессе интерпретации заложенных автором концептуальных смыслов. Так, «жонглируя» сюжетными линиями, автору удается придать тексту-ризоме особую серьезность-развлекательность, выступив в качестве «субъекта играющего».

П. Серю замечает, что «в любом высказывании можно обнаружить властные отношения», текст литературного произведения не является исключением (Квадратура смысла..., 1999, с. 21). Обратимся к пониманию текста романа как текста – идеологического оружия. Согласно М. Фуко, «дискурс не существует вне власти, т. е. власть присутствует в дискурсе... невозможно осуществить власть вне соответствующей дискурсивной практики»: “...discourse does not exist separately from power, that is, power lies in discourse. There is no exercise of power without an associated discursive feature” (Foucault, 1980, p. 93). Кроме того, автор акцентирует внимание на том, что любой власти нужно сопротивление, которое становится необходимым условием проявления отношений власти.

В тексте, обращенном к порочной судебной-правовой действительности, присутствует явная революционность и реформаторская первопричина. В основе текста – идеологического оружия – феномен проблематизации описываемых событий. Опираясь на идеи Л. Альтюссера, М. Пеше развивает методику производства и прочтения текста, согласно которой воспринимающая аудитория читает не просто то, что «говорит» текст, но и то, что он сказать не может: “...Pecheux seems to be returning to the idea of problematic which Althusser employed in his concept of reading, wherein one does not merely read what the text says, but also what it cannot say” (Williams, 1999, p. 112). И именно в обществе (в том числе – литературном или правовом) «субъект, обладающий властью», или «субъект могущий» (в терминологии Р. Рикера), становится субъектом действия. Автор умозаключает, что способности «человека могущего» получают свое «развитие только в институализированной среде, венчающейся сферой политики... называем гражданином этого человека могущего, рожденного сферой политических отношений» (Рикер, 1995, с. 41). «Субъект могущий» реализует реформаторский тип социально-языкового сознания как частный вид правосознания, направленный на искоренение в судебной-правовой сфере существующих пороков.

На литературное произведение, созданное в ходе ЛПП, возможно взглянуть как на своеобразную форму волеизъявления. Психоаналитическая природа такого рода текста тесно связана с субъективной позицией индивида, самоидентификацией своего внутреннего «Я», а также намерением переосмыслить имеющийся опыт. По замечаниям Ж. Лакана, событие, о котором повествуется в романе, становится «формой повторного переживания, интроспекции, позволяя как автору, так и читателю избавиться от того или иного симптома» (1995, с. 26). Текст – гипнотическое припоминание – описание событий индивидуального (в том числе профессионального) опыта – является не просто воспроизведением прошлого, но, самое главное, актуализацией его в речи, что предполагает множество разного рода «присутствий». Ж. Лакан заостряет внимание на том, что «речь, когда есть у нее слушатель, не остается без ответа никогда, даже если в ответ встречает только молчание...» (1995, с. 11).

Создание литературного произведения по следам профессионального и жизненного опыта становится возможностью для автора заново пережить уже увиденное и уже прочувствованное, переосмыслить, утвердиться в предпринятом описании событий и в этом процессе переосмысливания и рефлексии создать необходимую аргументирующую базу для максимально точного и красочного иллюстрирования исторически значимых для общества событий. «Человек говорящий» в тексте – гипнотическом припоминании выступает как «субъект рефлексии», демонстрирующий частный вид правосознания – рефлексивное.

Итак, текстологический вектор исследования литературного произведения как архива, ризомы, идеологического оружия и гипнотического припоминания позволяет выявить разноплановые роли автора как неординарной языковой личности – «субъекта, хранящего наследие», «субъекта играющего», «субъекта могущего» и «субъекта рефлексии», что в свою очередь углубляет понимание о прагматических установках автора, осуществляющего ЛПП. Данные роли автора подчинены определенным типам социально-языкового сознания: двум доминантным – правосознание и лингвокреативное сознание, в рамках которых выявлены периферийные типы – цитатное, карнавализованное, реформаторское и рефлексивное. Отметим преобладание видов правового сознания автора и заметим, что все типы социально-языкового сознания неразрывно связаны с «участным» мышлением писателя-парресиаста. Языковая личность автора – многомерный феномен, который может быть изучен еще более детально – с позиции компонентов языковой личности субъекта говорящего, обуславливающих становление текста романа как текста-ризомы, текста-архива и т. д.

Специфика языковой личности писателя-парресиаста как профессионально обусловленной личности

Как замечает В. В. Катермина, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» (2016, с. 206).

Согласно автору, языковая личность представляет собой «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, языковую компетенцию, характеризующуюся глубиной и точностью отражения действительности, степенью структурно-языковой сложности...» (Катермина, 2016, с. 212). Факт создания гетерогенного лингвосоциокультурного пространства, функционирующего на границе двух дискурсов – права и художественной литературы, двух «профессиональных жаргонов» сигнализирует о становлении нового формата языковой личности – профессионально-детерминированной (областью права). Под профессионально-детерминированной (областью права) языковой личностью понимается языковая личность, включенная в определенные социальные отношения, репрезентирующая социальный институт права и способная интегрировать узкоспециальное знание и профессиональный опыт в коллективное сознание, в частности, посредством неконвенциональных (для области права) средств коммуникации. Данный «типаж» личности представляет собой сложноорганизованный психосоциальный феномен и включает компоненты этнокультурной, элитарной и эстетически развитой языковой личности.

Ключевой национально обусловленной чертой англоязычной языковой личности, реализующей свой потенциал одновременно как писателя, так и юриста на просторах художественной литературы, становится способность вести серьезный разговор в «несерьезном» дискурсе. В. И. Карасик, описывая многомерный субъект общения, т. е. тип языковой (коммуникативной) личности, способной вести усложненную коммуникацию (иронизировать, шифровать свои высказывания, пользоваться намеками), замечает следующее: «Между юмористическим и серьезным дискурсом есть промежуточное коммуникативное образование – полусерьезный дискурс, когда оба участника общения (либо один из них) ведут серьезный разговор, который в любой момент может перейти в шутку. Такое общение особенно ценится в англоязычном мире...» (2007, с. 82). Следуя за мыслью ученого и принимая во внимание особую парресиастическую природу ИД, целесообразно говорить об инвективной иронизирующей языковой личности автора как его коммуникативно-деятельностных способностях, обусловленных этнокультурной спецификой конкретного сообщества. Отметим, что усложненная коммуникация как частный вид непрямого общения включает и содержательно усложненную речь, когда, по замечаниям В. В. Дементьева, «неявные смыслы, содержащиеся в непрямом высказывании, вступают в сложные отношения с теми смыслами, которые выражены в нем эксплицитно, и общий смысл высказывания может быть понят только с учетом обоих типов смыслов» (2006, с. 113). Так, например, цитаты в романе, отсылающие к судебным актам, сопровождаются суждением-комментарием автора или трансформируются, требуя от реципиента дополнительные когнитивные усилия. Инвективной иронизирующей языковой личностью обладает «человек говорящий» особенно как «субъект могущий» в процессе создания текста – идеологического оружия.

Являясь активным представителем двух сообществ – художественной литературы и права, роль писателя ассоциируется с властью, он становится носителем голоса власти. Писатель отличается высокой степенью интеллекта, образован, его речь безупречна, он владеет всеми нормами этикета, склонен к тонкому юмору и иронии. Словом, писатель – обладатель элитарной языковой личности. Согласно И. В. Ружицкому и Е. В. Потемкиной, среди конституирующих признаков элитарной языковой личности обозначим следующие: 1. Владение всеми литературными нормами языка; 2. Способность порождать тексты разной сложности, принимая во внимание тот факт, что «элитарная языковая личность, опираясь на прецедентные тексты культуры, сама способна порождать тексты, которые окажутся культурно значимыми для современников и потомков» (2018, с. 31); 3. Владение навыками воздействия, убеждения, привлечения внимания в процессе создания дискурсов, воспринимаемых большим количеством людей; 4. Способность не навязывать свою позицию, но пытаться как можно полнее и доступнее ее раскрыть; 5. Наличие всевозможных свойств интеллигента, нравственных ценностей, миропонимания, духовности. К доминантным чертам элитарной языковой личности, создающей парресиастическое высказывание, следует отнести и нижеследующие: 1. Талант создания усложненной интенциональной коммуникативной программы, требующей обращение к реальной исторической действительности и пробуждающей пытливым ум читателя; 2. Способность к осознанному, рефлексивному употреблению слова; 3. Репрезентация (скрытая или явная) чувства эпистемической ответственности как маркер высшей степени нравственности; 4. Свободное переключение между профессиональными кодами, профессиональными жаргонами, разными типами социально-языкового сознания как признак развитых интеллектуальных способностей.

Вышеперечисленные черты элитарной языковой личности можно разделить на общие (могут проявляться у любой элитарной языковой личности, задействованной в любой сфере деятельности) и частные (обусловлены возможностями художественной литературы и способностями писателя как ее представителя). К общим отнесем владение литературными нормами, навыками воздействия, способность не навязывать свою позицию, наличие свойств интеллигента и нравственных ценностей. К частным следует отнести создание культурно значимых текстов на основе прецедентных текстов культуры, обладание чувством эпистемической ответственности и рефлексивным сознанием, создание усложненной интенциональной коммуникативной программы, способность свободного переключения между профессиональными жаргонами и типами социально-языкового сознания. Как следствие, ключевой характеристикой профессионально-детерминированной (областью права) элитарной языковой личности писателя становится способность создания аксиологически заряженных и социально значимых текстов культуры с отрефлексированным словом и значительной долей эпистемической ответственности. Заметим, что элитарной языковой личностью обладает «человек говорящий» как «субъект, хранящий наследие» и «субъект рефлексии», создающий текст-архив или текст – гипнотическое припоминание.

По замечаниям В. В. Фещенко, «художественный дискурс (как и интердискурс в данном исследовании. – И. Р.) является результатом сознательного созидания художественного знака и художественного сообщения

отдельным субъектом в соответствии с его концептуальным миром», и «художественная форма строится всякий раз по законам эстетики...» (2021, с. 211). Как следствие, языковая личность писателя-парресиаста, способного создать роман огромного масштаба, вызывающий улыбку «зрителя» и при этом хлестко обличающий несправедливости судебно-правовой сферы, характеризуется как личность неординарного, творческого, эстетически развитого человека. Неотъемлемыми характеристиками такого формата языковой личности являются: 1. Наличие высокоразвитой творческой природы личности; 2. Языковая интуиция и смекалка, когда отступление от литературной нормы используется намеренно, как языковая игра; 3. Осуществление свободного перехода с одного функционального стиля на другой в зависимости от условий и целей общения (Ружицкий, Потемкина, 2018, с. 29-39). Г. И. Богин (1982) выделяет пятиуровневую модель развития языковой личности, которая может быть применена для формирования эстетически развитой языковой личности писателя-парресиаста. Обратимся к пяти уровням данной модели. Первый уровень – уровень правильности – предполагает обладание насыщенным активным лексическим запасом. Второй уровень – уровень интериоризации – связан с навыком эффективной реализации дискурсивного высказывания в зависимости от плана содержания. Третий уровень – уровень насыщенности – включает возможность и потребность языковой личности отражать в речи все разнообразие выразительных языковых ресурсов за счет фонетических, грамматических и лексических средств. Четвертый уровень – уровень адекватного выбора – осуществляет соответствие отбора используемых в высказывании языковых единиц коммуникативной ситуации в целом и отдельным ее участникам. Пятый уровень (высший и особенно значимый для данного исследования) – уровень адекватного синтеза – реализует соответствие порождаемого текста задачам содержательного и коммуникативного плана. Таким образом, писатель как эстетически развитая личность ловко реализует адекватный синтез, в частности виртуозно переплетает сюжетные линии в романе, продуктивно объединяет языковые маркеры юридического дискурса с единицами художественного текста, незаметно для читателя осуществляет переход с одного функционального стиля на другой. Заметим, что эстетически развитой языковой личностью обладает «человек говорящий» как «субъект играющий», т. е. создатель текста-ризома.

Многомерная профессионально-детерминированная языковая личность писателя-парресиаста (инвективная иронизирующая, создающая социально значимые тексты культуры, реализующая адекватный синтез функциональных стилей или маркеров двух концептуальных областей в одном смысловом и текстовом пространстве) подчинена в романе единому языковому механизму – авторской технике «чтения-письма», находящей отражение в языковом приеме цитации на различных уровнях текста. Данная техника отражает глубинные основания ЛПП, в частности в том, что позволяет максимально приблизиться к правдоподобию описанию правовой реальности. Литературный текст во всей своей целостности или фрагментарности – слово-реплика на сторону других текстов (здесь – судебно-правовых актов). В древности глагол «читать» имел значение, о котором стоит напомнить, чтобы лучше понять смысл техники «чтения-письма». «Читать» значило также «собирать», «подбирать», «подслушивать», «идти по следам», «набирать», «красть». Чтение, таким образом, означает своего рода активное «присвоение» чужого. «Письмо», по замечаниям Ю. Кристевой, «это чтение, превратившееся в производство, в индустрию» (2004, с. 199). Так, писатель реализует в художественном произведении «сюжет», «считанный» с реальных судебно-правовых актов.

Текстовое пространство романа – зеркало профессионально-детерминированной языковой личности писателя

Техника «чтения-письма» находит выражение в тексте художественного произведения в приеме цитации. По замечаниям С. Ю. Преображенского, цитата является «содержательным компонентом текста, по-своему отсылочным, специфически направленным на текст-источник» (2017, с. 792). З. Г. Минц характеризует цитату как «чужое слово, воспринимаемое как представитель какого-либо текста», а также предлагает специфически-символистское восприятие цитат: «...“цитатой” могло стать все: и реалии (“цитаты из языка жизни”), и любые виды “чужого слова”. Все они осознавались как введенные в данный текст отрывки из других текстов, составляющих в своей совокупности универсальный Текст – “миф о мире”, денотатом которого является “туманный ход иных миров”» (1999, с. 363).

В романе иронической и парресиастической природы цитата в своем конвенциональном значении как языковой прием претерпевает трансформации. Во-первых, речь идет не о полноценных закавыченных цитатах (отрывках из судебно-правовых актов как прототексте), а скорее об «осколках» цитат – фрагментах, выступающих маркерами «инкрустированной» речи. Во-вторых, с позиции специфически-символистского подхода к цитации З. Г. Минц замечает следующее: «...она (цитата) отражает отношения метонимичности, когда “цитируемый отрывок – знак цитируемого произведения”... цитаты в произведении могут играть еще одну роль – быть знаком некоей общей установки на цитацию» (1999, с. 368). Исходя из сказанного, в данном исследовании используется не столько термин «цитата», сколько понятие «цитатное слово». Под цитатным словом понимается фрагмент чужой речи, в том числе «из языка жизни», являющийся денотатом некоего «иного мира», введенный в текст автором на основании преследуемых им прагматических целей. Доминантной чертой цитатного слова является не столько точное и дословное воспроизведение речи Другого, сколько отсылка к реалиям, фактам, событиям. Если традиционно цитата способна дать оценку характеру героев, их моральному облику, сюжетной ситуации или отдельному эпизоду, то функции цитатного слова в произведении рассматриваемого формата подвергаются модификациям, расширяются, особенно если к ним обратиться сквозь призму намерений автора, т. е. личности профессионально-детерминированной.

Следуя за мыслью З. Г. Минц в том, что цитаты (как и цитатные слова) могут быть «взяты из самой жизни», отсылающей к конкретным реалиям, обозначим, что цитатное слово, во-первых, может выступать в роли «культурного символа». Такого рода преемственность истолковывается как связь различных (в данном случае – полярных) культур – права и художественной литературы. Миссия писателя при этом заключается в том, чтобы сблизить в сознании реципиента две концептуальные картины мира. Во-вторых, функция цитатного слова может сводиться к созданию приблизительного типажа судебно-правовой ситуации на основании увиденного и лично пережитого. В этом случае, по замечаниям С. Ю. Преображенского (2017), мы говорим об архетипической цитате (или архетипическом цитатном слове), с помощью которой автору удается обличить всякого рода судебно-правовую несправедливость, «вписав» ее как свой профессиональный опыт в коллективное знание. В-третьих, синтез «своего» и «чужого» слова в литературном произведении позволяет преобразовать объективную информацию в модальную, таким образом не только приоткрывая занавес неизвестного, но и предлагая свой взгляд на вещи в среде социальной борьбы, и, как следствие, революционизируя сознание реципиента. На основании указанных функций, которые цитатное слово осуществляет в тексте, определим следующие разновидности цитатного слова в романе: прецедентное имя (как частный вид цитатного слова), прямое цитатное слово (отмеченное графическим маркером цитации – закавыченное или эксплицированное автором текста), не прямое цитатное слово (недословное воспроизведение; обусловленное явной отсылкой к чужой речи или «языку жизни», но на письме графически не обозначенное).

Прецедентное имя, рассматриваемое в исследовании как частный вид цитации, позволяет создать максимально объемный образ незнакомого до некоторого времени читателю объекта. Ч. Диккенс в романе дает подробное описание торговой лавки Крука, которая носит название «Канцлерский суд», а самого Крука именуют «Лорд-канцлером». Обратимся к фрагменту: “KROOK, RAG AND BOTTLE WAREHOUSE. Also, in long thin letters, KROOK, DEALER IN MARINE STORES... In another [part of the window] was the inscription BONES BOUGHT. In another, KITCHEN-STUFF BOUGHT... In all parts of the window were quantities of dirty bottles-blacking bottles, medicine bottles, ginger-beer... There were a great many ink bottles... A little way within the shop-door lay heaps of old crackled parchment scrolls and discoloured and dog’s-eared law-papers. I could have fancied that all the rusty keys, of which there must have been hundreds huddled together as old iron, had once belonged to doors of rooms or strong chests in lawyers’ offices...” (Dickens, 2018, p. 75). / «Крук, склад тряпья и бутылок», и другая – длинными, тонкими буквами: “Крук, торговля подержанными корабельными принадлежностями”. Рядом была надпись: “Скупка костей”: Дальше – “Скупка негодной кухонной утвари”. Окно было сплошь заставлено грязными бутылками: тут были бутылки из-под ваксы, бутылки из-под лекарств, бутылки из-под имбирного пива... Чернильных бутылок в ней было великое множество... Внутри за порогом кучей лежали свитки старого потрескавшегося пергамента и выцветшие судебные бумаги с загнутыми уголками. Напрашивалась догадка, что сотни ржавых ключей, брошенных здесь грудой, как железный лом, были некогда ключами от дверей или нескраемых шкафов в юридических конторах...» (Диккенс, 1960, с. 73). В речи самого Крука автор эксплицирует значение названия лавки: “You see, I have so many things here,” he resumed... of so many kinds, and all... going to rack and ruin, that that’s why they have given me and my place a christening... And I have a liking for rust and must and cobwebs. And all’s fish that comes to my net. And I can’t abear to part with anything I once lay hold of (or so my neighbours think, but what do THEY know?) or to alter anything, or to have any sweeping, nor scouring, nor cleaning, nor repairing going on about me... I go to see my noble and learned brother pretty well every day, when he sits in the Inn... We both grub on in a muddle (Dickens, 2018, p. 78). / «У меня здесь, извольте видеть, полным-полно всякой всячины... и все это... изнашивается, разваливается, гниет, вот почему они так и окрестили меня и мою лавку... Да еще есть у меня страстишка к ржавчине, плесени, паутине. По мне – “что в сеть попало, то и рыба” – ничем не брезгую. А уж если что попадет ко мне в лапы, того я из них не выпущу (то есть соседи мои так думают, но что они знают, эти люди?); а еще я терпеть не могу никаких перемен, никакой уборки, стирки, чистки, ремонта у себя в доме. Потому-то лавка моя и получила столь зловещее прозвище – “Канцлерский суд”. Я чуть не каждый день хожу любоваться на своего благородного и ученого собрата, когда он заседает в Линкольнс-Инне... Между нами невелика разница. Оба копаемся в неразберихе» (Диккенс, 1960, с. 75-76).

Посредством прецедентного имени автору удается показать хаос в судебно-правовой среде через описание бытовой сферы. Кроме того, Диккенс дает понять читателю, что все сферы жизни неразрывно связаны между собой, и истцы, обратившиеся в Канцлерский суд, теряют все – деньги, здоровье, покой и не только: «...оставалось только вообразить, что кости, сложенные в углу и обглоданные начисто, – кости клиентов суда...» (Диккенс, 1960, с. 74). Крук, восхищенный красотой волос Ады, замечает: “I have got three sacks of ladies’ hair below, but none so beautiful and fine as this” (Dickens, 2018, p. 77). / «У меня в подвале три мешка женских волос, но таких красивых и тонких нету» (Диккенс, 1960, с. 75). Инвективная иронизирующая языковая личность автора репрезентируется посредством языкового инструментария: черный юмор («три мешка женских волос», «скупка костей»), английские поговорки («что в сеть попало, то и рыба» – о способности извлекать из всего выгоду), риторические вопросы («...но что они знают, эти люди?»), диминутивы (страстишка), фразеологизмы («попадет в лапы») и др. Как элитарная языковая личность, автор использует отрефлексированное слово, но не навязывает свою позицию, активизируя когнитивные усилия и сознание реципиента, что проявляется в ряде конструкций: «оставалось только вообразить», «напрашивалась догадка» и др. Эстетически развитая языковая личность писателя находит выражение в насыщенных средствами художественной выразительности речевых оборотах («сотни ржавых ключей, брошенных здесь грудой, как железный лом», «окрестили лавку», «деревянные весы, коромысло которых, лишившись противовеса, криво свисало с потолочной балки» и др.) (Диккенс, 1960, с. 73-75).

Прямое цитатное слово, помимо слова «закавыченного», может быть представлено фрагментом, обозначенным самим автором – личностью профессионально-детерминированной – как цитата (в ее специфически-символистском значении). В предисловии Диккенс делает заявление, что “everything set forth in these pages concerning the Court of Chancery is substantially true, and within the truth. The case of Gridley is in no essential altered from one of actual occurrence, made public by a disinterested person who was professionally acquainted with the whole of the monstrous wrong from beginning to end” (Dickens, 2018, p. 5-6). / «...все написанное на этих страницах о Канцлерском суде – истинная правда и не грешит против правды. Излагая дело Гридди, я только пересказал, не изменив ничего по существу, историю одного истинного происшествия, опубликованную беспристрастным человеком, который по роду своих занятий имел возможность наблюдать это чудовищное злоупотребление с самого начала и до конца» (Диккенс, 1960, с. 3-4). Так, описывая дело Гридди, писатель называет его «человеком из Шропшира», делая его словно «не стоящим внимания» представителем огромного множества тяжущихся в Канцлерском суде: “The Chancellor rises; the bar rises; the prisoner is brought forward in a hurry; the man from Shropshire cries, ‘My lord!’. Maces, bags, and purses indignantly proclaim silence and frown at the man from Shropshire” (Dickens, 2018, p. 15). / «Канцлер встает; адвокаты встают; арестанта поспешно выводят вперед; человек из Шропшира взывает: “Милорд!”. Блюстители порядка, законности и интересов короля негодуя кричат: “Тише!” – бросая суровые взгляды на человека из Шропшира» (Диккенс, 1960, с. 18). Как личность инвективная иронизирующая, автор мастерски «кодирует» имя героя, переводит его в обезличенный формат, расширяя интерпретативный потенциал текстового фрагмента. Элитарная природа языковой личности Диккенса в настоящем отрывке проявляется в умении усложнить «текст культуры», провоцируя внимательного читателя к поиску дополнительных концептуальных смыслов. Как эстетически развитая языковая личность, писатель умело осуществляет синтез известного и неизвестного в романе.

Непрямое цитатное слово актуализируется в романе как отсылка к «языку жизни» – жизни в судебно-правовой сфере – без использования дополнительных языковых маркеров эвиденциальности. Имеющий опыт работы в юридической конторе, знающий данную сферу изнутри, Диккенс интегрирует в романский жанр фрагменты официально-деловых документов. Так, в письме юристов к Эстер, одной из героинь, автор следует всем канонам официально-делового стиля, однако с помощью приема акронимизации (опущение букв) автор кодирует информацию: “Our **clt** Mr. Jarndyce being **abt** to **rece** into his house, under an Order of the **Ct** of **Chy**, a Ward of the **Ct** in this cause, for whom he wishes to secure an **elgble compn**, directs us to inform you that he will be glad of your **serces** in the **afsd** capacity...” (Dickens, 2018, p. 43). / «Наш клиент, мистер Джарндис, согласно постановлению Канцлерского суда, принимает к себе в дом состоящую под опекой одного суда участницу вышеуказанного судебного дела и, вознамерившись подыскать ей достойную компаньонку, поручает нам уведомить Вас, что он желал бы воспользоваться Вашими услугами для достижения данной цели» (Диккенс, 1960, с. 42). Как личность инвективная, иронизирующая посредством приема акронимизации, автор создает для читателя своеобразную когнитивную загадку. Элитарная природа языковой личности Диккенса, как и в предыдущем отрывке, проявляется в умении усложнить «текст культуры», провоцируя внимательного читателя к поиску важных концептуальных смыслов. Как эстетически развитая языковая личность, писатель мастерски осуществляет синтез уже заданного «языком жизни» и абсолютно нового для романного жанра.

Итак, индивидуально-авторская техника «чтения-письма», реализуемая в романе в цитатном слове, вскрывает ряд способностей профессионально-детерминированной (областью права) языковой личности: умение создать в текстовом и смысловом пространстве когнитивную загадку, провоцируя читателя к поиску новых концептуальных смыслов; талант интегрировать в романский жанр элементы других жанров, усложняя «текст культуры»; умение реализовать инвективу-иронию в разнообразной и яркой палитре языковых средств художественной выразительности и др. Заметим, что представленные фрагменты могут рассматриваться вариативно – как текст-архив (при проявлении автором своей эпистемической ответственности), как текст-ризому (в случае создания когнитивной загадки), как текст – идеологическое оружие (при экспликации автором желания обличить «злобу дня»), как текст – гипнотическое припоминание (при «сопоставлении» полученного автором личного опыта и пересказанного в романе).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, текст литературного произведения, обращенный к правовой области знания, способен точно запечатлеть события далекой исторической эпохи, являясь своеобразным «документом», способом «вкладывания» одного текста (знания) в другой, средством социальной борьбы или техникой переосмысления происходящего. Субъектно-объектный подход к интердискурсу позволяет взаимосвязано рассмотреть текст как архив, ризому, гипнотическое припоминание, идеологическое оружие и различные роли «человека говорящего» в нем (интердискурсе), демонстрирующего многомерное социально-языковое сознание. Так, цитатное сознание автора отчетливо проявляется в тексте-архиве, карнавализованное – в тексте-ризоме, реформаторское – в тексте – идеологическом оружии, рефлексивное – в тексте – гипнотическом припоминании. Заметим, что увидеть в каждом текстовом фрагменте романа «чистый» «тип» текста невозможно, но можно выявить доминантный тип – архив, ризому или иной, т. к. в текстовой ткани романа очень тесно переплетены между собой прагматические, дискурсивные и когнитивные основания литературной практики парресии.

Во-вторых, обусловленная профессиональной деятельностью в области права языковая личность писателя-парресиаста – сложноорганизованный психосоциальный феномен, способный проявлять себя в языковом инструментарии текста романа как личность элитарная, этнокультурная и эстетически развитая. Данные компоненты нового «типажа» языковой личности связаны в первую очередь с талантом иронизировать происходящее в процессе создания культурно значимого текста и использовать релевантные для романного жанра (в том числе инновационные) способы воздействия на читателя.

В-третьих, одним из наиболее эффективных языковых приемов в рамках осуществления литературной практики паррессии на страницах романа «Холодный дом» Ч. Диккенса является цитатное слово. «Взятые из самой жизни» и подвергшиеся филигранной художественно-образной обработке, цитатные слова отражают сущность «человека говорящего» – его способность активизировать когнитивные усилия и интерес читателя к описываемым событиям, использовать объемные художественные образы для придания эстетики описания, умело расширяя интерпретативный потенциал романа и провоцируя реципиента к поиску дополнительных концептуальных смыслов.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление особенностей отражения профессионально-детерминированной области права языковой личности в многообразном языковом инструментарии в художественном тексте или в иных типах дискурса.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.).
2. Богин Г. И. Концепция языковой личности: автореф. дисс. ... д. филол. н. Л., 1982.
3. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома. Париж, 1976.
5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.
6. Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория дискурсивной диалогичности как репрезентация жанрового потенциала романа // Жанры речи. 2023. Т. 18. Вып. 4 (40).
7. Загибалова М. А. Особенности культурного развития современности: феномен карнавализации // Известия Тульского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. Вып. 2.
8. Зыкова И. В. Лингвокогнитивные основания интеграции поэтического текста в кинодискурс // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15. № 2.
9. Карасик В. И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. Вып. 5.
10. Катермина В. В. Языковая личность автора в художественном тексте // Человек. Культура. Образование. 2016. № 2 (20).
11. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и порт.; общ. ред. и вст. ст. П. Серио; пред. Ю. С. Степанова. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999.
12. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс. ... д. филол. н. М., 2003.
13. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
14. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / пер. с фр.; пер. А. К. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995.
15. Минц З. Г. Функции реминисценций в поэтике Ал. Блока // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство-СПБ, 1999.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007.
17. Преображенский С. Ю. Проблема межтекстовых связей в лингвистическом толковании художественных текстов: аллюзия и цитация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка, семиотика и семантика». 2017. Т. 8. № 4.
18. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМІ», 1995.
19. Ружицкий И. В., Потемкина Е. В. «Элитарная языковая личность» и бранная лексика (на примере идиолекта Ф. М. Достоевского) // Русская речь. 2018. № 6.
20. Рябова И. Ю. Языковая личность субъекта парресиастического высказывания как лингвокогнитивный и психосоциальный феномен // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1 (57).
21. Фещенко В. В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности: коллективная монография / отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021.
22. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
23. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2 (65).
24. Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977 / ed. by C. Gordon. L.: Harvester Press, 1980.
25. Matthews M. Law Meets Literature: Bleak House and the British Court of Chancery. 2015. <https://www.mimi-matthews.com/2015/04/06/law-meets-literature-bleak-house-and-the-british-court-of-chancery/>
26. Williams G. French Discourse Analysis. The Method of Post-Structuralism. L. – N. Y.: Routledge, 1999.

Информация об авторах | Author information

Рябова Ирина Юрьевна¹, к. филол. н.

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

Irina Yurievna Ryabova¹, PhD

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

¹ i.y.ryabova_3012@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.07.2024; опубликовано online (published online): 19.08.2024.

Ключевые слова (keywords): интердискурс; литературная практика парресии; профессионально детерминированная языковая личность; субъектно-объектный подход; цитатное слово; interdiscourse; literary practice of parrhesia; professionally determined linguistic personality; subject-object approach; quoted word.